

«ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ» И «ДАЛЬНЯЯ ДУГА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Кошелева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, uddijana@gmail.com*

Статья представляет сравнительный анализ концепций «Глобальный Юг» и «дальняя дуга» во внешней политике Республики Беларусь. Исследование раскрывает историческое происхождение и эволюцию термина «Глобальный Юг» от доклада В. Брандта 1980 г. до современных дипломатических практик, а также процесс институционализации белорусской концепции «дальней дуги» во внешнеполитическом дискурсе с 2016 г. Проведен анализ структурных пересечений и различий между универсальной категорией постколониального анализа и национальным инструментом внешнеполитической диверсификации. Исследование демонстрирует системное использование терминов в академическом нарративе и официальной риторике белорусского руководства как инструментов легитимации многовекторной политики и идеологического обоснования геополитической переориентации в условиях западных санкций.

Ключевые слова: «Глобальный Юг»; «дальняя дуга»; внешняя политика Беларуси; постколониальный анализ; геополитическая идентичность.

“GLOBAL SOUTH” AND “FAR ARC” IN THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

N. V. Kosheleva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, uddijana@gmail.com*

The article presents a comparative analysis of the categories “Global South” and “Far Arc” in the foreign policy of the Republic of Belarus. The study examines the historical origins and evolution of the term “Global South”, beginning with the Brandt Report of 1980 and tracing its development to contemporary diplomatic practices. It also investigates the process of institutionalizing the Belarusian concept of the “Far Arc” in foreign policy discourse since 2016. The research analyzes the structural overlaps and distinctions between the universal category of postcolonial analysis and the national instrument of foreign policy diversification. The article demonstrates the systematic use of these terms within the academic narrative and the official discourse of Belarusian leadership, positioning them as tools for legitimizing multi-vector policy and as ideological foundations for geopolitical reorientation in the context of Western sanctions.

Keywords: “Global South”; “Far Arc”; Foreign Policy of Belarus; Postcolonial Analysis; Geopolitical Identity.

В контексте укрепления процессов диверсификации геополитических и экономических связей Республики Беларусь категории «Глобальный Юг» и «дальняя дуга» становятся ключевыми аналитическими инструментами, определяющими стратегию адаптации страны к новым вызовам

мировой политики. Их сравнительный анализ актуален как для исследователей, так и для практиков, поскольку позволяет выявить потенциальные направления международного сотрудничества и аналитическую ценность этих категорий для белорусской внешней политики [1].

Возникновение термина «Глобальный Юг» в контексте дихотомии Юг–Север связано с историческими изменениями структуры международной системы во второй половине XX в., реакцией на процессы деколонизации, роста глобального неравенства и появления новых форм международного сотрудничества.

До 1980-х гг. попытки классификации стран вне западного пространства опирались на понятия «развивающиеся страны», «третий мир» и другие сходные категории, использовавшиеся в контексте преимущественно экономического неравенства [2, с. 5]. Однако с течением времени эти категории все чаще подвергались академической критике за их идеологизированность и неоднозначность.

Ключевым этапом в признании термина «Глобальный Юг» стал выход доклада Независимой комиссии по вопросам международного развития при ООН под руководством бывшего канцлера ФРГ В. Брандта. В докладе была предложена новая картография международного неравенства, и концептуально разделены группы стран по уровню экономического развития. При этом отношения «Север–Юг» были названы как «величайший вызов нашего времени» не только в социально-экономическом, но и в политическом контексте [3, р. 1].

В дальнейшем, на международных площадках — в структурах ООН, в работе Группы 77, а также в многочисленных постколониальных исследованиях, категория «Глобальный Юг» начала использоваться именно как инструмент политической идентификации, объединяющий страны, стремящиеся к пересмотру механизмов мировой справедливости: «Глобальный Юг» vs «Глобальный Запад» [4, с. 114].

В 1990-х гг. и особенно в первые десятилетия XXI в. академическая литература фиксирует стремительный рост частоты употребления термина «Глобальный Юг», он же «Юг» как собирательное понятие по вопросам глобального неравенства, роли стран периферии в новых экономических и дипломатических альянсах, а также во внутринациональных стратегиях развития. Так, в 1990 г. был подготовлен доклад Южной комиссии, формально учреждённой в 1987 г. по инициативе премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда. В докладе раскрывались системные проблемы, связанные с колониальным наследием, устойчивыми экономическими барьерами и глобальной несправедливостью. Во вступительной статье главы комиссии, видного политика Танзании, Дж. Ньерере, указывалось, что

преодоление этих вызовов возможно лишь в условиях солидарности стран Юга, совместной разработки экономических стратегий и реформирования международных институтов: «...Ответственность за развитие Юга лежит на самом Юге, [находится] в руках народов Юга» [5, p. vii].

В русскоязычном научном пространстве понятие «Глобальный Юг» начало разрабатываться недавно. Причем, фокус внимания исследователей акцентируется преимущественно на его роли как новой эпистемологической категории в глобальной социологии, международных отношениях, а также характеризующего развитие мировой периферии. Подчеркиваются отрыв от устаревших концепций «третий мир» и «развивающиеся страны», а также значение термина для анализа неравенства, постколониальных процессов и диалога между странами периферии [6, с. 120; 7, с. 7]. Особое внимание уделяется превращению понятия из географического в структурно-социальное, а также его символической функции в мобилизации стран и народов вне западного центра.

В отличие от англоязычных исследований, где термин широко применяется для обозначения транснациональной политической субъектности и солидарности угнетенных — так называемый Political South, — в русскоязычных работах сохраняется более прагматичный подход: акцент делается, прежде всего, на институциональных форматах (Группа 77, Движение неприсоединения и др.), экономическом развитии и критике внешних факторов глобального управления [8].

Рассмотрение «Глобального Юга» в ключе политической мобилизации и формирования альтернативной политической субъектности встречается преимущественно в работах последних лет [9–12].

«Глобальный Юг» также стал активно привлекаться в белорусской дипломатии. Так, выступая на виртуальном саммите «Голос Глобального Юга» в августе 2024 г. Президент А. Г. Лукашенко подчеркивал: «Эпоха западного господства уходит в прошлое. Центр глобального прогресса, экономической гравитации, да и принятия политических решений смещается на Юг и Восток... Голос Глобального Юга должен звучать в полную силу и соответствовать своему гигантскому потенциалу» [13].

В интервью китайскому информационному агентству «Синьхуа» в августе 2025 г. Президент заявил о том, что «Глобальный Юг» является новым мировым центром силы, а Беларусь — его составной частью. А. Г. Лукашенко также подчеркнул, что «Будущее развитых стран во многом будет зависеть от того, как быстро они... научатся выстраивать равноправные, взаимоуважительные отношения с Глобальным Югом» [14].

В настоящее время на базе термина «Глобальный Юг» развиваются три подхода, демонстрирующие различные способы анализа современного мирового неравенства и международных отношений.

Первая концепция отражает экономическую классификацию стран — рассматривает «Глобальный Юг» как как группу экономически слабых государств. Этот подход традиционно используется международными организациями, особенно теми, которые выросли из Движения неприсоединения. Термин служит современной заменой понятия «третий мир», которое устарело после окончания холодной войны [15]. В рамках этого подхода страны классифицируются по экономическим показателям, а границы между «Севером» и «Югом» определяются уровнем национального дохода и развития.

Второе определение выходит за рамки национальных границ и рассматривает «Глобальный Юг» как территории и народы, которые пострадали от современной капиталистической глобализации. Согласно этому подходу, существуют как совокупность разрозненных бедных пространств внутри богатых северных стран, так и богатые экономические анклавов внутри географически южных более бедных регионов [2, с. 10]. Например, бедные районы городов США можно считать частью «Глобального Юга», а богатые элиты в африканских и азиатских странах — частью «Глобального Севера». Такая логика позволяет анализировать неравенство независимо от географического положения.

Третье понимание «Глобального Юга» фокусируется на формировании общей политической идентичности угнетенных народов мира. Эта концепция предполагает, что территории, относящиеся к бедному «Югу», могут объединиться, осознав общность своего опыта эксплуатации современным капитализмом. Истоки этой интерпретации восходят к традициям проекта «третьего мира» и интернационалистическим движениям периода холодной войны. Она представляет собой попытку создать транснациональную солидарность, основанную на общем сопротивлении глобальному неравенству, а не просто на географической близости или экономическом статусе.

Таким образом, «Глобальный Юг» эволюционировал от простого экономического индикатора через пространственный анализ неравенства к инструменту политической мобилизации и международной солидарности.

В целом, «Глобальный Юг» отражает не столько территориальную принадлежность, сколько общность исторического опыта, политической солидарности и стремления к реформе мировой системы. Данная

концепция служит символом борьбы против структурной дискриминации и инструментом внешнеполитического позиционирования для стран, ранее считавшихся периферией.

Если «Глобальный Юг» выступает центральной категорией мировых политико-экономических исследований и внешних стратегий, то концепция «дальней дуги» имеет национальную окраску и представлена преимущественно в белорусской историографии, в работах ученых и аналитиков [1; 16–19].

Термин «дальняя дуга» возник в белорусском профессиональном дипломатическом и внешнеполитическом лексиконе на рубеже 1990–2000-х гг. в связи с поиском новых партнеров, выходящих за пределы традиционного геополитического окружения страны — Российской Федерации, ЕС и СНГ. Первые контуры этого понятия проявились после ухудшения отношений Беларуси с западными странами и введения ограничений на политические контакты со стороны ЕС [16, с. 59].

Формирование концепции «дальняя дуга» в белорусском политическом дискурсе имело поэтапный характер. Ее основой стала Концепция национальной безопасности Республики Беларусь 2010 г., которая закрепила принцип «многовекторности внешней политики» как основной стратегический подход к диверсификации международных связей [20, с. 5, 9, 21, 25].

Развернутая характеристика концепции появилась в дипломатических публикациях МИД, где подчеркивалась важность развития связей «с перспективными партнерами и союзниками в Азии, Африке и Латинской Америке, формирующими т. н. „дальнюю дугу“ белорусской внешней политики» [21, с. 33].

Термин «дальняя дуга» был использован в национальной программе поддержки и развития экспорта на 2016–2020 гг., в которой были обозначены перспективные экспортные рынки стран «дальней дуги» [22], а также в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [23, с. 45–46]. «Дальняя дуга» сохраняет статус приоритетного региона, что демонстрирует проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. В документе отмечается, что «На качественно новый уровень белорусской внешней политики выходит взаимодействие со странами „дальней дуги“ — Азией, Африкой и Латинской Америкой» [24, с. 15].

Таким образом, эволюция понятия отражает переход от общих принципов многовекторности к конкретной географической и стратегической категоризации внешнеполитических приоритетов Беларуси.

Большинство исследований признает значимость данной концепции в контексте санкционного давления, необходимости экспортной

диверсификации и поиска новых союзников. В статье В. Е. Снапковского 2021 г., посвященной характеристике этапов и приоритетов внешней политики белорусского государства, отмечается, что «отношения со странами „дальней дуги“ ... достигли качественно нового уровня» [17, р. 40–41].

В 2022 г. в Лейденском университете было проведено научное исследование на уровне магистерской работы, в котором термин «дальняя дуга» (Far Arc) использовался для обозначения политики Беларуси по выстраиванию отношений с государствами Азии, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока, как инструмента снижения зависимости от России и расширения внешнеэкономических и дипломатических возможностей [25].

Регионально «дальняя дуга» охватывает три блока: государства Азии, Африки и Латинской Америки, что прямо указано на сайте МИД Республики Беларусь [26]. Основываясь на современных исследованиях, страны «дальней дуги» можно представить регионально следующим образом: Азия и Океания, Африка и Ближний Восток, Латинская Америка и Карибский бассейн.

Смысловая нагрузка термина «дальняя дуга» не ограничивается исключительно торгово-экономическими задачами. Он отражает стратегические устремления белорусской дипломатии — создание полноценной альтернативы традиционным векторным направлениям с целью замещения утраченных рынков западных стран и Украины (в условиях санкций и военных действий); получения новых ресурсов для политической легитимации на международной арене; формирования многополярной внешнеполитической идентичности и противодействия доминированию одного центра; укрепления позиций Беларуси в ООН, Движении неприсоединения, ШОС и других международных организациях. На совещании с руководителями дипломатических представительств Беларуси в 2023 г. Президент назвал ШОС и БРИКС (Беларусь является партнером БРИКС с 2024 г.) мощными инструментами для работы на «дальней дуге» [27].

Вызовы, связанные с реализацией политики «дальней дуги», включают относительную нестабильность политической власти в регионах, относящихся к дальней дуге, слабую институциональную базу и долгую дистанцию по наращиванию доли стран «дальней дуги» в общем внешне-торговом обороте Беларуси.

Таким образом, «дальняя дуга» — это уникальный инструмент белорусской внешней политики, возникший как реакция на внешние вызовы и санкции, и получивший институциональное закрепление в стратегических государственных программах, экспертных публикациях и дипломатическом дискурсе. Оба понятия, и «Глобальный Юг» и «дальняя дуга»,

сосуществуют в белорусской практике, взаимно дополняя друг друга в географическом и партнерском аспекте, но остаются «разнокорневыми» по своей идее, структурному наполнению и историческому значению.

Анализ особенностей рассматриваемых понятий показал ряд схожестей и отличий.

Обе концепции играют важную роль в современном теоретическом и практическом осмыслении внешнеполитических процессов, однако их структура, специфика, пересечения и различия контекстуальны.

«Глобальный Юг» и «дальняя дуга» представляют принципиально разные уровни анализа международных отношений — глобальный постколониальный дискурс vs национальная внешнеэкономическая стратегия. Их сосуществование в белорусской дипломатии отражает попытку совместить универсальную антизападную риторику с прагматическими задачами экономической диверсификации.

Переход белорусской дипломатии от концепции «дальней дуги» (с 2016 г.) к концепции «Глобального Юга» (2024–2025) отражает глубокую трансформацию внешнеполитической идентичности государства: от прагматичного технократического инструментария к идеологическому позиционированию в рамках новой многополярности. В настоящее время обе концепции функционируют параллельно, причем этот процесс носит поступательный характер и обусловлен изменением политических и экономических реалий, а не является результатом мгновенной парадигмальной смены. Данный переход стал наглядным свидетельством системной эволюции белорусской внешнеполитической стратегии, дополнительно подкрепленной интеграцией страны в транснациональные политико-экономические альянсы «Глобального Юга». В современном белорусском дискурсе «дальняя дуга» выполняет операциональную функцию (конкретные страны, торговые маршруты, экспортные показатели), а «Глобальный Юг» — легитимационную (идеологическое обоснование геополитического выбора, солидарность с незападным миром).

Обе концепции сталкиваются с системными ограничениями белорусской внешней политики: географической удаленностью от регионов-партнеров, ограниченными ресурсами для глобального позиционирования, зависимостью от российской логистической инфраструктуры для выхода на рынки «дальней дуги» или «Глобального Юга». Тем не менее, белорусский опыт демонстрирует, как малые государства адаптируют глобальные концептуальные рамки для решения национальных стратегических задач, создавая успешные гибридные модели внешнеполитического позиционирования.

Библиографические ссылки

1. *Дударенюк А.* Страны мирового Юга — важнейшее направление внешней политики белорусского государства // БИСИ. 2024. 24 июля. URL: <https://bisr.gov.by/mneniya/strany-mirovogo-yuga-vazhneyshee-napravlenie-vneshney-politiki-belorusskogo-gosudarstva> (дата обращения: 25.08.2025).
2. *Расольцев С. В.* «Глобальный Юг»: происхождение и эволюция термина // *Мировое развитие*. Вып. 19. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 5–10. DOI:10.20542/978-5-9535-0547-5.
3. *Brandt W.* North-South: A Programme for Survival. London: Pan Books, 1980. 304 p.
4. *Кудинова Д. О.* Глобальный ЮГ в современных международных отношениях // *Теории и проблемы политических исследований*. 2024. Том 13, № 7А. С. 111–116.
5. *Nyerere J. K.* Chairman Preface // *The South Commission. The Challenge to the South: The Report of the South Commission*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 325 p.
6. *Кисленко И. Ю.* О роли понятий «глобальный Север–Юг» в глобальной социологии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 116–128. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.201>.
7. *Яковлев П. П.* Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // *Контуры глобальных трансформаций. Политика. Экономика. Право*. 2021. Т. 14, № 2. С. 6–27. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1.
8. *Муратбекова А.* Глобальный юг и текущая геополитика // *Eurasian Research Institute (Akhmet Yassawi University)*. 2023. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-global-south-and-current-geopolitics/?lang=ru> (дата обращения: 18.08.2025).
9. *Яковенко А. В.* Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг // *Проблемы национальной стратегии*. 2024. № 1(82). С. 42–57.
10. *Сушенцов А.* Глобальный Юг в поисках идентичности // *Валдайский клуб*, 2024. 1 ноября. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/globalnyu-yug-v-poiskakh-identichnosti> (дата обращения: 18.08.2025).
11. *Богданов К., Кобринская В., Фрумкин Б.* Гонка на Глобальном Юге, или битва за мировое большинство // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, № 5(129). С. 80–97. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-5-80-97.
12. *Яковенко А. В.* Внешнеполитические стратегии Глобального Юга: отрицание западного опыта // *Ria.ru*. 2025. 25 августа. URL: <https://ria.ru/20250825/zapad-2037337669.html> (дата обращения: 18.08.2025).
13. Президент Беларуси. Итоги недели // *Belarus.by*. 2024. 18 августа. URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/news/gromkie-naznachenija-rezonansnoe-intervju-soveshanie-lukashenko-s-generalami-i-virtualnyj-sammit-itogi-nedeli-prezidenta_i_175689.html (дата обращения: 31.08.2025).
14. Лукашенко считает Глобальный Юг новым мировым центром силы, а Беларусь — его составной частью // *БЕЛТА*. 2025. 31 августа. URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-schitaet-globalnyj-jug-novym-mirovym-tsentrom-sily-a-belarus-ego-sostavnoj-chastju-734691-2025/> (дата обращения: 31.08.2025).
15. *Mahler A. G.* What/Where is the Global South? // *Global South Studies*. 2017. November 11. URL: <https://www.globalsouthstudies.org/what-is-the-global-south/?pdf=10> (date of access: 18.08.2025).
16. *Шадурский В. Г.* Сотрудничество Беларуси со странами «дальней дуги»: достижения и проблемы // *Беларусь в меняющемся мире: история и современность*:

материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: М. Э. Чесновский (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 58–67.

17. *Snapkouski U. E.* Foreign policy of the Republic of Belarus: milestones and priorities // *Journal of the Belarusian State University. International Relations*, 2021. № 1. P. 36–43.

18. *Фрольцов В. В.* Страны дальней дуги в исследованиях кафедры международных отношений // *ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике: место и роль Республики Беларусь: материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед.*, Минск, 18 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2024. С. 44–49.

19. *Казак О.* Стратегия разворота на Восток // *Звезда*. 2025. 15 мая. URL: <https://zviazda.by/ru/news/razvorot-na-vostok-eksperty-ob-aktivizatsii-sotrudnichestva-so-stranami-dalney-dugi/> (дата обращения: 20.08.2025).

20. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утверждена 09.11.2010 № 575 // Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь. URL: <https://house.gov.by/ru/official-documents-ru> (дата обращения: 18.08.2025).

21. *Макей В.* Внешняя политика на службе народа // *Беларуская думка*. 2015. № 9. С. 28–36.

22. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 августа 2016 г. № 604 «О поддержке и развитии экспорта Республики Беларусь в 2016–2020 годах» // Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей. URL: https://www.belarp.by/media/ra/doc/Predprinimatelstvo/Postanovlenie_sov_min_604.docx (дата обращения: 20.08.2025).

23. Указ президента Республики Беларусь от 29.07.2021 № 292 «Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы». 2021. 29 июля. 74 с. // Сайт министерства экономики Республики Беларусь. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/Programma-2025-nov-red.pdf> (дата обращения: 18.08.2025).

24. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года // Министерство экономики Республики Беларусь. Минск, 2024. 118 с. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

25. *Wildschut K.* Belarusian Foreign Policy: Analysis of the Far Arc 2017–2022 // *Leiden University*, 2022. 59 p. URL: <https://studenttheses.universiteitleiden.nl/access/item%3A3453947/view> (date of access: 18.08.2025).

26. Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Приоритетные направления внешней политики. URL: https://mfa.gov.by/foreign_policy/priorities (дата обращения: 15.08.2025).

27. Совецание с руководителями дипломатических представительств Беларуси // Сайт Президента Республики Беларусь. 2023. 31 июля. URL: <https://president.gov.by/ru/events/sovesanie-s-rukovoditelami-diplomaticeskih-predstavitel-stv-belarusi> (date of access: 31.08.2025).